

части квартала X «А» (С. Г. Рыжов), на участке «цитадель» (И. А. Антонова), в южном районе городища, где находится комплекс сооружений, примыкающих к оборонительной стене: большое общественное здание, термы и бассейн-водохранилище (Л. В. Седикова).

В квартале X «А» во время раскопок 1987—1988 гг. открыто 6 жилых усадеб в северной части и несколько в южной стороне квартала. Последние ограничивают главную городскую площадь, вероятно, поэтому в каждой из них имелись помещения, выполнявшие роль лавок. Находки (весы, гири) подтверждают такое предположение.

Размеры усадеб и набор находок в северной части квартала более скромны. Здесь обнаружены глазурованные блюда, украшенные сюжетными рисунками, выполненными тонкой гравированной линией: Георгий, борющийся со змеем, пеший воин со щитом (щиты двух видов — круглый и мидалевидный), а также сосуды с геометрическим орнаментом, выполненным широкой линией. В одном из помещений был обнаружен бронзовый энколпион и позолоченный диптих, украшенный крестом и витыми колоннами по краям. Кроме жилых усадеб в квартале находилось две часовни. Как позволяют предполагать находки, квартал погиб во второй половине XIII в., после чего его территория не застраивалась.

На южном участке городища изучалась засыпь бассейна-водохранилища, стены (сохранились на высоту в 3,75 м) которого сложены из хорошо обработанных известняковых блоков на известково-цемянковом растворе и оштукатурены. Засыпь представляла собой спрессованные слои мусорного грунта, насыщенные большим количеством керамики, костей животных, устричных раковин, золы и угля. Коллекция керамики (причерноморские амфоры с зональным рифлением, сосуды, украшенные росписью белым ангобом) позволяют предполагать, что заполнение бассейна произведено в течение кратковременного периода, не позднее второй половины IX в. Наибольший интерес среди находок представляют резная керамическая курильница и форма для выпечки профсор.

Раскопками на участке «цитадель» выявлено оживление фортификационного строительства второй половины IX в. В этот период был реконструирован въезд

в перибол и устроены ворота с юга от башни XVII (Зенона). Сооружение ворот потребовало расширения перибола до 17—20 м, что в свою очередь сделало необходимым значительное повышение оборонительной стены (19 куртина) с целью сокращения мертвого пространства перед ней на всем протяжении расширенного участка перибола. Основанием стены послужила куртина античного времени, вновь построенную 19 куртину укрепили кладкой с обеих сторон. Толщина ее как с внутренней, так и наружной стороны около 2 м. Во второй половине IX в., вероятно не без связи с организацией Херсонской фемы, перестройкой были затронуты все оборонительные стены города в юго-восточном районе Херсонской крепости. Все башни и куртины были подняты на более высокий уровень почвы, что было вызвано полной засыпкой глубокого оврага, который пересекали крепостные стены.

В портовом районе продолжала раскопки экспедиция Уральского университета (А. И. Романчук). Здесь изучался юго-восточный участок портового квартала 2, где был открыт комплекс, погибший в результате пожара не ранее 610 г. (монета Фоки на полу). В одном из помещений комплекса стояло несколько пифосов, в другом находился склад с амфорами. Следы разрушения с материалами, идентичными встреченным в заполнении пифосов, обнаружены на территории всего раскапываемого участка. Следующий период представлен зданием, стены которого, выходящие на внутриквартальную улицу, были сложены в технике *opus mixtum*, другие сооружены из хорошо обработанных известняковых блоков. Здание, построенное после 610 г., существовало до середины — конца XI в., пережив ряд перестроек. Последний строительный период представлен несколькими усадьбами XII—XIV вв. Они погибли во время пожара, материал из слоя разрушения представлен глазурованной керамикой, амфорами, бытовым инвентарем из бронзы, и железа, остатками рыболовных сетей. Особый интерес для исследователей представляют блоки с остатками росписи красной краской, обрамлявшие оконные проемы, и энколпионы, один из них литой со славянской надписью.

А. И. Романчук

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ НА НАУЧНЫХ ЧТЕНИЯХ В СЕВАСТОПОЛЕ (15—20 СЕНТЯБРЯ 1988 г.)

С 16 по 20 сентября 1988 г. на базе Херсонесского историко-археологического заповедника состоялись Научные чтения на тему «Проблемы развития средневекового города». Чтения были организованы кафедрой истории древнего мира и средних веков Уральского университета и приурочены к 30-летию его Крымской археологической экспедиции. Широкая научная известность результатов работ экспедиции, напрямую касаю-

щихся изучения провинциального византийского города, его сельской округи и международных связей, обусловила участие в Чтениях не только и не столько профессиональных археологов, сколько специалистов по истории Византии и сопредельных с ней регионов. Несомненной удачей Чтений явилось сосредоточение на них внимания на узловых и спорных вопросах истории средневекового города — при фактическом отсутствии докла-

дов «археолого-вещеведческого» характера, не сопровождающихся серьезными общениями.

Во вступительном слове директора Херсонесского заповедника Л. В. Марченко были не только освещены основные этапы и стороны сотрудничества заповедника и Крымской экспедиции УрГУ, охарактеризована научная значимость исследований уральцами Херсонеса, но и подчеркнуты перспективы такого сотрудничества: возможность возвращения к традициям объединенной экспедиции, создания совместной реставрационной лаборатории, общего научного сборника и т. д.

Тон в бурной дискуссии задал доклад М. М. Фрейденберга (Тверь), посвященный вопросам типологической характеристики балканских городов XIII—XIV вв. Как ни важна задача типологизации столь непохожих друг на друга средневековых городов этого региона, подчеркнул докладчик, но важнее — отработка корректных критериев для подобного исследования. Во-первых, по его мнению, «следует отказаться от набившего оскомину утверждения, что главным определителем городской жизни является наличие ремесла, — этот монизм сейчас неуместен». Во-вторых, следует, определяя городской характер поселения, в основном ориентироваться на мнение самих людей средневековья, особенно на их правовые воззрения. В-третьих, имеет смысл учитывать «исторический стаж» города. В-четвертых, отличая один город от другого, важно привнести во внимание специфику менталитета их жителей, ибо именно город выступал в средние века носителем основных черт формирующейся этнической общности.

Вообще сюжеты, связанные с историей города XII—XV вв., были представлены на Чтениях в большем числе.

П. И. Жаворонков (Москва) на основе анализа письменных и археологических данных пришел к выводу о том, что малоазиатский город периода Никейской империи переживал определенный подъем, вызванный общим экономическим благосостоянием государства и политикой поощрения никейскими императорами развития ремесел и культуры в городах, приобретших к концу периода законченный облик городов феодальных.

В. Г. Ченцова (Москва) на материале «Истории» Иоанна Кантакузина рассмотрела восприятие современниками торговли и «предпринимательства» в поздневизантийском городе. При этом достаточно отчетливо обнаружилось, что Кантакузин считал торговлю одним из обычных источников дохода, а встречающаяся негативная оценка «предпринимательства» относится к «незаконным», по его мнению, формам деятельности.

М. А. Поляковская и С. В. Голикова (Свердловск), проанализировав материалы «Просопографического лексикона времени Палеологов», которые они рассматривают как искусственную, проведенную в XX в. частичную и неединовременную перепись поздневизантийского населения, вынесли на Чтения тему «Интеллигенция

как элемент социальной структуры поздневизантийского города (количественный аспект характеристики). Интеллигенция была дифференцирована ими по «отрядам» или «блокам» родовых профессий и занятий (творческая, административно-управленческая и правовая сферы). По мнению авторов доклада, приведенный цифровой материал позволяет уточнить внутреннюю структуру интеллигенции и ее место в обществе.

В докладе Н. Д. Барабанова (Волгоград) «Константинополь, Галич и Москва в начале XIV в.» оттенялась роль патриарха Афанасия I во взаимоотношениях патриархии и русской митрополии. Было высказано мнение, что в условиях незначительной степени самостоятельности митрополии в указанный период Афанасий через митрополита Петра пытался проводить на Руси ту же политику, что и в Византии.

Близкие к византиноведческим сюжетам темы представили на суд слушателей Л. Г. Климанов (Ленинград) и Д. И. Польшинский (Иваново). Л. Г. Климанов в оригинальных «историографических заметках» на тему «Средневековая Венеция: городская структура и „символический ландшафт“» сосредоточил внимание на характеристике работ Л. Мамфорда, Дж. К. Аргана, М. Фаджело и особенно — Д. Косгроува. Последний, по мнению докладчика, предпринял удачную попытку «соединить собственно венецианскую идеологию, воплощенную в так называемом „венецианском мифе“, с урбанистическими взглядами нашего времени». Д. И. Польшинский в докладе «Формирование представлений о столице в средневековой Болгарии (VII—XIV вв.)» констатировал влияние на представление болгар о столице не только общественно-политической атмосферы конкретных периодов (Плиска — VII—IX, Преслав — IX—X, Тырново — XIII—XIV вв.), но и некоторых идейных традиций, уходящих своими корнями в глубокую древность.

В. С. Шандровская (Ленинград) в докладе «Печати представителей рода Синадинов» особое место удела иконографическому и палеографическому анализу, а также новому прочтению легенды печати севаста XII в. из коллекций Херсонесского музея. Один из выводов исследовательницы заключался в указании на столичное изготовление печати и в характеристике ее как свидетельства связей центра и периферии Византии XII в.

Ранневизантийская тематика заняла на Чтениях небольшое место. В докладе А. А. Чекаловой (Москва) — «Представление о знатности в ранней Византии» — один из центральных тезисов заключался в том, что если для IV в. наблюдается заметное расхождение во взглядах на знатность между представителями чиновно-военной верхушки и муниципальной аристократии, то к VI в. эти противоречия сгладились. А. С. Козлов (Свердловск) попытался реконструировать взгляды хрониста VI в. Марцеллина на позднеантичный город, подчеркнув сочетание у этого автора «константинопоцентризма» и ло-

кального позднеантичного патриотизма — применительно к иллирийским сюжетам «Хроники». О. Р. Бородин (Москва), проанализировав характер греческой диаспоры в городах Равеннского экзархата, сделал вывод о совпадении демографической и социально-политической эволюции экзархата, — совпадении, отразившемся на постепенной утрате итальянскими греками этнополитического самознания.

Разумеется, почетное место на Чтениях заняла крымско-византийская тематика. Уже на пленарном заседании большой интерес вызвал доклад И. А. Антоновой (Севастополь), в котором были прослежены основные этапы развития фортификации средневекового Херсона. Исследовательница не только проследила изменение типов оборонительных сооружений города, но и показала эволюцию систем обороны на широком историческом фоне.

В докладе А. И. Романчук (Свердловск) и Л. В. Седиковой (Севастополь) «Ранне-средневековые комплексы Херсонеса» был ярко продемонстрирован многоплановый подход к интерпретации археологического материала, характеризующего состояние Херсонеса как города в ранне-византийский период. По данным раскопок последних лет (преимущественно в Портовом и Южном районах городища) была выявлена непрерывность жизни Херсонеса в указанное время.

Неординарную проблему поднял А. Г. Герцен (Симферополь) и Ю. М. Могаричев (Бахчисарай): их доклад — «Иконоборцы и иконопочитатели в Юго-Западном Крыму» — оказался посвященным пересмотру известного положения, согласно которому в VIII—IX вв. Крым являлся оплотом иконопочитания. Данные письменных источников и археологии, по мнению докладчиков, скорее говорят, что Таврика на всех этапах иконоборчества оставалась оплотом власти иконоборцев-императоров.

Несомненно важные вопросы в истории урбанизации средневековой Таврики затронул М. Г. Крамаровский (Ленинград) в докладе «Солхат — Крым: к вопросу о населении и топографии города в XIII—XIV вв.». Им выделяется четыре этапа в развитии Солхата — от догородского состояния до городских пределов, обозначенных на плане 1783 г.

Два доклада затрагивали неясные стра-

ницы политической истории Мангуша-Феодоро. В. П. Степаненко (Свердловск) дал историографический очерк формирования мнения о появлении и вокняжении на Мангуше армянского рода Гаврасов. Было убедительно показано, что данных на этот счет источники фактически не представляют. Сообщение В. Л. Мыца (Симферополь) посвящалось новой интерпретации надписи 1361—1362 гг., где речь, по мнению докладчика, идет о некоем Хуйтани как о сотнике, а не как о правителе Мангуша.

Внешне сходной проблематики — не только исторической, но и эпиграфической — касались еще два сообщения. В. П. Яйленко (Москва) продолжил анализ известной надписи V в. (см.: ВВ. 1987. Т. 48. С. 164—166), дающей, по убедительному мнению исследователя, основание говорить об усвоении определенными группами кочевников хозяйственных и культурных достижений населения ранне-средневековой Гермонассы. Т. А. Матанцева (Москва) предложила новое прочтение большей части греческой надписи на одной из средневековых колонн Херсонесского лапидария (инв. № 3592).

Докладом Л. А. Омельковой (Свердловск) были подведены научные итоги 15-летних исследований отрядом археологической экспедиции УрГУ в долине р. Бельбек раннесредневековых сельских поселений. Существенно, что на основании полученных в ходе раскопок материалов докладчик попыталась дать новые представления об облике сельских усадеб VIII—IX вв.

Развернувшаяся в ходе обсуждения докладов дискуссия подчеркнула, во-первых, непреходящее внимание советской византистики к проблеме позднеантичного и средневекового города. Во-вторых, наблюдалось сосредоточение внимания исследователей на ранее нетронутых узлах этой проблемы — вопросах оценки жизни городов их современниками. Чтения еще раз наглядно продемонстрировали плодотворность комплексного подхода к городской проблематике, предусматривающего анализ урбанизма во всех его базисных и надстроечных вариациях, а также привлечение новейших данных археологии и новых методов обработки письменных источников.

А. С. Козлов, М. В. Васильева